

ПАВЕЛЬ ПЕРВЫЙ И СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ.

По неизданной рукописи.

I.

Станиславъ-Августъ имѣлъ обыкновеніе, въ теченіе всей своей жизни, вести записи событіямъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. При немъ состоялъ постоянно цѣлый штатъ секретарей, которымъ онъ диктовалъ свои мысли и которые собирали и переводили на Французскій языкъ акты и документы, интересовавшіе короля. Немудрено, что послѣ его смерти (1/2 Февраля 1798 г.) осталось кромѣ восьми томовъ записокъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, немало бумагъ, переданныхъ въ Московскій Главный Архивъ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Въ числѣ этихъ бумагъ имѣется пять тетрадей, собранныхъ подъ общее заглавіе: „собственноручныя записки короля Польскаго Станислава-Августа о современныхъ ему событіяхъ въ Польшѣ съ 1794 по 1798 гг.“. Это черновыя записи, 87 листовъ учиненныя на Французскомъ языкѣ не собственноручно королемъ, но постороннею рукою, отъ его имени, въ видѣ дневнаго журнала, начиная съ 2 Марта 1794 г. Кромѣ изложенія совершившихся событій въ этихъ тетрадяхъ приведены разговоры Станислава-Августа съ разными лицами, письма его къ другимъ, отвѣты полученные имъ и различные акты переведенные на Французскій языкъ. Составленіе этихъ записокъ всегда занимало Станислава-Августа: извѣстно, что и въ свое послѣднее пребываніе въ Петербургѣ онъ ежедневно работалъ надъ ними со своими секретарями. Въ числѣ послѣднихъ главнымъ былъ Христіанъ Фризе, принятый въ 1796 г. на Русскую государственную службу съ чиномъ

коллегскаго совѣтника. Въ дипломатическомъ отдѣлѣ С.Пбскаго Главнаго Архива хранятся бумаги Фризе. Въ нихъ, между прочимъ, имъ удостоверяется, что 33 года онъ состоялъ на службѣ Станислава-Августа и что работалъ подъ его диктовку надъ его записками. Но кромѣ почерка Фризе встрѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ записокъ и другіе почерки, почему съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что Фризе составлялъ подъ диктовку Станислава-Августа черновыя записки, которыя по исправленіи и дополненіи ихъ переписывались или самимъ Фризе, или другими секретарями, а таковыхъ во время послѣдняго пребыванія Станислава-Августа въ С.-Петербургѣ состояло при немъ нѣсколько: Пузыно, Антоній Поянтовскій, упомянутый Фризе. Пять тетрадей бумагъ, переданныхъ на храненіе въ Московскій Архивъ, представляются черновыми записями, писанными рукою Фризе съ различными выносками и дополненіями. Вѣроятно онъ не были переписаны, а ожидали окончательной отдѣлки, но смерть Станислава-Августа прервала эту работу.

Изъ этихъ бумагъ насъ интересуеъ отрывокъ, находящійся въ пятой тетради, на оборотѣ 65 листа, а на 128 страницъ всей рукописи. На поляхъ страницы, въ томъ мѣстѣ, съ котораго начинается отрывокъ, стоитъ надпись: „Entretien du feu roi le $\frac{4}{15}$ juillet 1797“, сдѣланная рукою Фризе очевидно уже послѣ смерти короля. Съ этого мѣста рукописи на 20 страницахъ излагаются на Французскомъ языкѣ разговоры, которые Станиславъ-Августъ велъ съ Императоромъ Павломъ I: въ разное время своего пребыванія при Русскомъ дворѣ, съ 4 Юля по 13 Ноября 1797 г. Эти разговоры не вошли въ дневникъ Станислава-Августа, который онъ велъ о своей жизни въ С.-Петербургѣ и который посылался въ Варшаву для свѣдѣнія его родственниковъ *). Разговоры съ Императоромъ не предназначались оглашенію. Они тѣмъ болѣе интересны, что рисуютъ отношенія Павла Петровича къ развѣнченному королю и положеніе послѣдняго при Русскомъ дворѣ. Съ одной стороны, самодержавный повелитель могущественной имперіи, непризнававшій надъ собою никакого закона, не лишенный однако благородства, но неумѣренный въ своихъ побужденіяхъ, полный причудъ, не выносившій чужого мнѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительный и вспыльчивый. Съ другой—король, потерявшій всѣ свои владѣнія и все свое состояніе, униженный и принужденный пользоваться гостепріимствомъ и милостями своего грознаго покровителя. Независимо отъ сего въ этихъ разговорахъ выражается личность Павла, недавно

*) Дневникъ Станислава-Августа въ рукописи хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

только вступившаго на престоль, выдѣляются нѣкоторыя его черты, развившіяся впоследствии въ немъ, замѣчаются проблески мистицизма, созрѣвается мысль о томъ, что онъ призванъ божествомъ спасти чело-вѣчество отъ гибели, возстановить начала вѣры, поправленныя революціею и водворить порядокъ, ею разрушенный.

II.

Павель Петровичъ, ни въ чемъ не раздѣлявшій воззрѣній своей матери, всегда былъ противникомъ раздѣла Польскихъ областей и относился сочувственно къ Полякамъ. Поэтому, немедленно по воцареніи, онъ даровалъ свободу Польскимъ плѣннымъ, содержавшимся въ С.-Петербургѣ и распространилъ эту милость на прочихъ Поляковъ, сосланныхъ Екатериной II. Въ Воскресеніе 16 Ноября 1796 г., т. е. десять дней спустя по смерти Императрицы, Государь пріѣхалъ въ Мраморный дворецъ, въ нижнемъ этажѣ котораго содержался Тадеушъ Костюшко, глава послѣдняго возстанія и самъ сказалъ ему: „vous êtes libre, je voulais moi-meme vous apporter cette bonne nouvelle“¹⁾. Вмѣстѣ съ Костюшко были освобождены его главные сподвижники: адъютантъ его Юліанъ Урсынъ-Нѣмцевичъ, графъ Игнатій Потоцкій, членъ совѣта революціоннаго управленія и др. Императоръ не забылъ при этомъ короля, проживавшаго въ неволи въ Гроднѣ и пригласилъ его въ С.-Петербургъ. Ему былъ отведенъ для жительства весь Мраморный, а для лѣтняго пребыванія Каменноостровскій дворецъ, увеличено содержаніе съ 11000 до 16600 червонцевъ въ мѣсяць, а его ближайшимъ родственникамъ возвращены конфискованныя староства. Отъ короля и его родныхъ милости Императора распространились на Поляковъ вообще; многимъ вернули имѣнія, другихъ приняли на службу въ войска.

Если обратиться къ дневнику Станислава-Августа, то мы увидимъ, что 3 Іюля 1797 года король былъ приглашенъ въ Петергофъ, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ племянницей графиней Урсолой Мнишекъ, мужемъ ея графомъ Михаиломъ-Юріемъ Мнишкомъ и ихъ дочерью Изабеллой. Ихъ сопровождалъ генералъ графъ И. А. Безбородко, братъ канцлера. Королю отвели апартаменты, которые занимала Императрица Екатерина II, когда она проживала въ Петергофѣ. Государь принялъ его послѣ парада и крестинъ дочери Маріи у князя П. П. Щербатова²⁾,

¹⁾ Вы свободны, я самъ пожелалъ принести вамъ эту добрую вѣсть.

²⁾ Князь Павель Петровичъ Щербатовъ (1762—1831), камергеръ, сенаторъ, женатъ на графинѣ Екатеринѣ Валентиновнѣ Мусиной-Пушкиной, фрейлинѣ Екатерины II.

которой воспріемниками были Ихъ Величества. Государь обошелся съ королемъ очень ласково. На обѣдѣ Станиславъ-Августъ сидѣлъ, какъ по обыкновенію, между Ихъ Величествами. Послѣ обѣда Императоръ показалъ королю свои апартаменты, во дворцѣ Monplaisir, въ особенности свой рабочій кабинетъ, стѣны котораго, отдѣланныя деревомъ, остались такими, какими онѣ были при Петрѣ I. Послѣ осмотра дворца все общество разошлось до шести часовъ, когда, по приглашенію августѣйшихъ хозяевъ, король и Мнишки сѣли въ линейку для прогулки въ паркъ. Ужинъ на террасѣ дворца ожидалъ Государя и его гостей. Послѣ ужина Императоръ пригласилъ короля провести еще два дня въ Петергофѣ. Четвертаго Іюля король осматривалъ гранильную фабрику, а вечеромъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Государемъ въ Ораніенбаумъ, который Императоръ подарилъ въ этотъ день великому князю Александру Павловичу. Возвратившись съ прогулки, король ужиналъ съ дворомъ въ залѣ дворца Monplaisir.

Мы привели всѣ эти подробности, чтобъ показать, при какой обстановкѣ произошелъ 4 Іюля разговоръ между Императоромъ и королемъ, приведенный въ бумагахъ послѣдняго. Бесѣда началась съ того, что Павелъ Петровичъ спросилъ короля, не имѣетъ ли онъ свѣдѣній о личности Прусскаго генерала Рюхеля, прибывшаго отъ Фридриха Вильгельма III, чтобъ благодарить Императора за присылку генералъ-маіора Нелидова въ Берлинъ, чтобы выразить соболѣзнованіе Императора по случаю смерти тещи короля.

Станиславъ-Августъ отвѣтилъ, что онъ видѣлъ Рюхеля¹⁾ впервые въ этотъ день и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ генералѣ, но что его поразило сходство Рюхеля съ самимъ королемъ Прусскимъ.

Императоръ Павелъ. Дѣйствительно, онъ похожъ на него съ той разницей, что у короля Прусскаго лицо и все тѣло гораздо шире, чѣмъ у Рюхеля. А чтѣ происходитъ съ вашей виллой „Лазенки“.

Король. Она, какъ любовница, скучаетъ по своему милому, который желалъ бы ее пристроить и съ этой цѣлью передать Прусскому королю; но я не знаю, состоится ли наконецъ эта продажа. Я однако премного обязанъ благодарить Ваше Величество за то, что Вы велѣли для моей пользы передать въ Берлинъ, чтобъ ускорили продажу²⁾.

Имп. Павелъ. Я еще переговорю съ Рюхелемъ, манеры котораго мнѣ очень нравятся, и вы могли бы, какъ мнѣ кажется, сами замолвить слово съ нимъ о томъ.

¹⁾ Генералъ Рюхель имѣлъ въ то время большое значеніе при Прусскомъ дворѣ.

²⁾ Варшава по третьему раздѣлу Польши перешла во владѣніе Пруссіи.

Король. Я вновь выражаю мою благодарность и послѣдую вашему совѣту.

Имп. Павелъ. Знаете ли вы другого какого-либо Пруссаго генерала?

Король. Я знаю одного принца Голштинскаго ¹⁾.

Импер. Павелъ. Что это за человекъ и что онъ изъ себя изображаетъ?

Король. Онъ считается хорошимъ военнымъ; онъ заслуживаетъ уваженіе за свое безкорыстіе и кроткое обращеніе, которыя онъ проявилъ въ Польшѣ, вездѣ, гдѣ бы ему ни приходилось командовать. Онъ росту небольшого и наружности довольно обыкновенной. Позвольте спросить у васъ извѣстій объ одной личности, которой я желаю много добра, такъ какъ она много оказала его въ Польшѣ, а именно въ помѣстьяхъ моей сестры въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ. Я говорю о генералѣ Бенингсенѣ ²⁾.

Импер. Павелъ. Онъ долженъ находиться въ настоящее время съ своимъ полкомъ въ походѣ не далеко отъ Астрахани, онъ родомъ изъ Ганновера, и я его цѣню.

Въ продолженіе того же дня разговоръ перешелъ на С.-Петербургскій ломбардъ, управленіе котораго приняла на себя Императрица, въ виду того, что отъ него зависѣла больница Воспитательнаго Дома. При этомъ Императоръ сказалъ своей супругѣ въ видѣ шутки: „Вы продаете въ ломбардѣ не только заложенные вещи, но даже и краденныя“. На послѣднее указаніе Императрица отвѣтила довольно серьезно, отрицая подобный случай, и принялась даже излагать подробно, какъ погашено уже долговъ Воспитательнаго Дома на миллионъ рублей, какія благія послѣдствія получились уже отъ управленія графа Сиверса ³⁾, который завѣдывалъ отъ имени Императрицы этимъ учрежденіемъ, а равно Воспитательнымъ Домомъ въ Москвѣ. При этомъ разговоръ присутствовалъ самъ Сиверсъ. Императоръ сказалъ тогда: „къ краденымъ вещамъ, которыми мы пользуемся, я причисляю Польшу“.

Король. Я думаю, что по душевнымъ качествамъ, которыми Богъ васъ надѣлилъ, у васъ самихъ чувство справедливости честнаго человека должно часто сталкиваться съ политическимъ положеніемъ главы Государства.

Импер. Павелъ. Это правда; я однако стараюсь, по мѣрѣ возможности, чтобъ моя совѣсть шла въ авангардѣ.

---

¹⁾ Принцъ Голштейнъ-Бекъ, бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ.

²⁾ Генералъ Леонтій Леонтьевичъ Бенингсенъ, впоследствии графъ.

³⁾ Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, бывшій Русскій посолъ въ Варшавѣ.

Этимъ разговоромъ король воспользовался, чтобъ рассказать Императору о всѣхъ козняхъ Ассесбурга*) и другихъ дѣятелей, совершившихъ первый раздѣлъ Польши. Императоръ выслушалъ это сообщеніе съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, а когда король назвалъ Панина, то онъ сказалъ мнѣ: „о да, Панинъ всегда былъ чрезвычайнымъ приверженцемъ Пруссіи“. Продолжая этотъ разговоръ, король имѣлъ случай сообщить и о послѣднемъ Гродненскомъ сеймѣ и сказалъ: „этотъ графъ Сиверсъ, котораго В. В. такъ цѣните и услугами котораго вы пользуетесь, въ состояніи лучше всякаго другого представить вамъ отчетъ о тѣхъ средствахъ, къ коимъ прибѣгали нарочно для того, чтобъ мой народъ возбудить къ возстанію 1794 г.“

Импер. Павелъ. Вы правы, я очень цѣню Сиверса.

Король. Несомнѣнно, все, что онъ сдѣлалъ въ Гроднѣ, только могло причинить мнѣ сильнѣйшее горе; но онъ всегда это дѣлалъ такъ, что я по справедливости долженъ заявить одно: я всегда видѣлъ, что онъ самъ первый былъ сильно огорченъ этими приказаніями, которыя онъ обязанъ былъ исполнять.

Въ тотъ же день, а равно и наканунѣ, Императоръ требовалъ настоятельно отъ меня самыхъ подробныхъ объясненій о томъ, что со мною произошло когда-то въ Петербургъ и Ораніенбаумъ (и это было безбожно (*das war gottlos*), онъ задавалъ вопросы о личностяхъ обѣихъ Императрицъ Елисаветы и Екатерины, а также объ особахъ ихъ дворовъ и о личности Петра III. Затѣмъ онъ продолжительно распространился также и о несправедливости, будто-бы причиненной ему царствованіемъ его матери, къ которой онъ также примѣнялъ Русскую пословицу: я желаю, чтобы трава не росла болѣе, когда я умру (а по мнѣ, хоть трава не расти). Онъ увѣрялъ, что въ послѣдніе годы Екатерины II она, казалось, преднамѣренно допускала постепенное разрушеніе Петергофа, Ораніенбаума и многаго другого.

Король. „Послѣдній любимецъ всегда вредитъ предыдущему. Екатерина II украсила Царское Село въ ущербъ другимъ Императорскимъ резиденціямъ“. Замѣтивъ, что Императоръ ласкалъ великаго князя Александра въ Ораніенбаумѣ, я ему выразилъ, какъ трогательно было видѣть въ немъ проявленіе отеческихъ чувствъ. Онъ восполь-

---

*) Баронъ Ахазъ-Фердинандъ Ассесбургъ, Брауншвейскій уроженецъ, бывшій на Датской службѣ посланникомъ Даніи въ С.-Пбгѣ въ 1765 г., перешедшій въ 1771 на Русскую службу съ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника. По порученію Екатерины II онъ прискалъ невѣсту для Павла Петровича въ лицѣ принцессы Гессенской, бывшей впоследствии великой княгини Наталіи. Станиславъ-Августъ въ своихъ Запискахъ указываетъ на Ассесбурга, какъ на лицо, подавшее первую мысль о раздѣлѣ Польши и побудившее на то короля Прусскаго и Екатерину II.

зовался этимъ случаемъ, чтобы высказать вновь то негодованіе, которое онъ таилъ въ себѣ противъ своей матери, питавшей къ нему такъ мало любви. Между прочими предметами, о которыхъ шла рѣчь въ тотъ же день, онъ сказалъ много добра объ обоихъ Разумовскихъ, и онъ съ интересомъ узналъ отъ меня разсказъ о томъ, какъ младшій Разумовскій, Кириллъ Григорьевичъ, отвергъ предложеніе Императрицы Елисаветы, поставивъ ей слѣдующій вопросъ: „Рѣшились ли вы дѣйствительно на гибель вашей арміи? Если вы на это рѣшились, я по совѣсти не могу принять начальствованіе надъ нею, которое вы желаете мнѣ поручить въ эту кампанію“ *).

Имѣя въ виду современныя событія Императоръ сказалъ: „Я такъ сдѣлалъ, что всѣ воюющіе будутъ вынуждены подъ конецъ примириться“.

Король. Гдѣ будетъ конгрессъ?

Имп. Павелъ. Его не будетъ, такъ какъ Французы его не хотятъ, а каждый заключить миръ отдѣльно.

Потомъ зашла рѣчь объ ассигнаціяхъ. Императоръ сказалъ по этому поводу: „нужно же мнѣ оставить нѣсколько для облегченія циркуляціи, но я стою за поднятіе цѣны металловъ. Послѣ того разговоръ перешелъ, съ той и съ другой стороны, на легкую тему: о любовныхъ похожденияхъ, о женщинахъ, Юдцко и др. Король упомянулъ о предсказаніи продолжительности жизни до 72 лѣтъ въ виду того, что развѣтіе длилось до 24 лѣтъ.

III.

Слѣдующій разговоръ помѣченъ третьимъ Сентября. Онъ произошелъ въ Гатчинѣ, гдѣ Станиславъ-Августъ находился по приглашенію Императора уже съ 23-го Августа. Короля въ это время сильно раздражали памфлеты, которые тогда писались противъ него въ Польшѣ. Онъ жаловался на эти нападки князю Н. В. Репнину; именно въ этотъ день онъ доказывалъ, что ему слѣдовало отвѣчать на клеветы противъ него; и негодовалъ на то, что его секретарю Вольскому, который былъ уполномоченъ имъ опровергать все, что писалось, не было разрѣшено напечатать возраженія противъ памфлетовъ, ни въ Галиціи, ни въ Пруссіи, и что даже въ Вильнѣ ни одна типографія не соглашалась исполнить эту работу. Князь Репнинъ обратился за совѣтомъ къ фрейлинѣ А. И. Нелидовой, которая на слѣдующій день отвѣтила, что Государь былъ согласенъ разрѣшить печатаніе опроверженій короля, но подѣ

*) При открытіи Семилѣтней войны?

непремѣннымъ условіемъ, чтобы они предварительно подвергнуты были цензурѣ. Императоръ находилъ неприличнымъ печатать въ Русскихъ предѣлахъ слишкомъ рѣзкія сужденія о событіяхъ затрогивавшихъ память Екатерины II. Репнинъ предложилъ назначить цензоромъ Виленскаго губернатора Якова Булгакова, такъ какъ онъ разумѣлъ по польски, но Государь отвѣтилъ: „я предпочитаю, чтобы цензоромъ былъ князь Безбородко; онъ знаетъ Польскій языкъ не хуже Булгакова“!

4-го Сентября король сказалъ Императору: „я благодарю васъ за то, что вы велѣли мнѣ отвѣтить вчера. Это дѣло необходимо для спасенія моей чести“.

Имп. Павелъ. Я этимъ только исполнилъ свой долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, я смотрю на это дѣло такъ, а именно, что я бы нарушилъ свои обязанности, если бы поступилъ иначе.

Король. То, что вы только-что сказали—новое благодѣяніе.

Имп. Павелъ. Настоящій вѣкъ столь испорченъ, что не только творять зло, но даже не прячутся, а сбрасываютъ совершенно покрывало и гордятся своею злобою.

Король. Дѣйствительно, мнѣ приходится удивляться злобѣ тѣхъ, которые клеветаютъ на меня столь жестоко, въ особенности теперь, когда они не могутъ болѣе рассчитывать на какую нибудь выгоду для себя.

Пятаго Сентября императоръ спросилъ: „Что за офицеръ Эльсницъ (Oelsnitz)?“

Король. Откуда вы знаете его?

Имп. Павелъ. Онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ; его книга по тактикѣ очень хороша. Что стало съ нимъ?

Король. Онъ умеръ уже около десяти лѣтъ. Онъ былъ недоволенъ службою въ Пруссіи. Князь Адамъ Чарторыйскій, находившійся тогда въ Берлинѣ, пригласилъ его быть профессоромъ тактики въ Варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Имп. Павелъ. Что стало съ нѣкимъ Красинскимъ Кальвинистомъ, который когда-то былъ здѣсь, и что это за человекъ?

Король. Онъ умеръ уже давно. Это была очень незначительная и дрянная личность; онъ былъ орудіемъ въ рукахъ большого негодяя, примаса Подоскаго, который присылалъ его сюда съ предложеніемъ императрицѣ Екатеринѣ II свергнуть меня съ престола и посадить на мое мѣсто Саксонскаго принца; но императрица отвергла эту мысль.

Импер. Павелъ. Что за человекъ былъ Гольцъ, бывший маршаломъ короннымъ диссидентомъ.

Король. Это былъ достойный человѣкъ, искусный военный и добрый гражданинъ. Онъ былъ бы еще лучше, если бы не отличался столь желчнымъ нравомъ. Онъ также умеръ.

Импер. Павелъ. А кто былъ главою диссидентовъ въ Литвѣ?

Король. Грабовскій.

Павелъ. Чтò за человѣкъ былъ онъ?

Король. Онъ былъ еще лучше Гольца. Оба они даже не искали для диссидентовъ столько, сколько Екатерина II, въ дѣйствительности, вынудила ихъ требовать подъ угрозою ихъ совершенно покинуть на мщеніе тѣхъ, которыхъ они обидѣли, если они не продолжатъ упорно домогаться того, чего она сама требовала для нихъ; но въ этомъ былъ только поводъ для сокрытія другихъ политическихъ видовъ.

Павелъ. Я это хорошо знаю, и тутъ положено начало несчастіямъ Польши.

Король. Коль скоро вы знаете и выражаете сочувствіе, я по крайней мѣрѣ въ томъ могу видѣть утѣшеніе.

Павелъ. Знаете-ли вы маіора Цугегера (Zugeherer)? Чтò онъ за человѣкъ?

Король. Это честная личность; онъ вѣрно служилъ у насъ офицеромъ; его отецъ былъ Курляндскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, мать его Польшка; онъ родился и воспитывался въ Польшѣ, такъ что онъ настоящій Полякъ.

Павелъ. Чтò за человѣкъ Пшисиховскій, прежде служившій въ Польшѣ въ кавалеріи, котораго я нахожу въ царствованіе моей матери полковникомъ въ нашей пѣхотѣ и который можетъ скоро оказаться подлежащимъ производству въ генераль-маіоры, если произойдетъ смертность между генералами.

Король. Саксонскій дворъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, поручалъ ему производство ремонта въ Польшѣ для Саксонской кавалеріи. На сколько я знаю, это хорошій малый.

Павелъ. Чтò же человѣкъ Виттъ*), который находится у насъ теперь на службѣ генераломъ?

Король. Онъ послѣ отца преемственно получилъ начальство надъ Каменецкою крѣпостью, каковую обязанность онъ исполнилъ добросовѣстно. Онъ пользовался у насъ славою искуснаго инженера.

---

*) Иосифъ Виттъ, перешедшій на Русскую службу въ 1790; его жена Гречанка Софія К., знаменитая красавица, развелась съ нимъ и вышла за графа Станислава-Феликса Потоцкаго-Щенснаго, бывшаго маршала Тарговицкой конфедерации.

Павелъ. Это роконосець этой красавицы панны Виттъ, которую мы видѣли здѣсь.

Король. Да, Ваше Величество.

Пребываніе короля въ Гатчинѣ продолжилось еще нѣсколько дней. 15 Сентября, какъ сказано въ дневникѣ, въ Гатчинѣ состоялись послѣдніе маневры, которыми Императоръ остался недоволенъ, что онъ высказалъ королю въ разговорѣ съ королемъ.

Въ этотъ день разговоръ записанъ въ слѣдующемъ видѣ.

Павелъ. А что вы мнѣ скажете о Годлевскомъ, который теперь сидитъ подъ стражей?

Король. О немъ я знаю только, что покойный Виленскій епископъ Масальскій способствовалъ своими рекомендаціями вступленію его на Русскую службу, около 12 лѣтъ тому назадъ. Онъ отличился при штурмѣ Очакова, поднявъ на себя одну изъ первыхъ лѣстницъ, вслѣдствіе чего князь Потемкинъ послалъ его съ вѣстью о взятіи Очакова въ Варшаву къ послу Штакельбергу. Тогда же я видѣлъ его въ продолженіе немногихъ дней, а съ того времени я ничего не слышалъ о немъ.

Павелъ. Одно то, что онъ былъ въ числѣ любимцевъ Потемкина, было достаточнымъ, чтобъ привлечь мое вниманіе на него, но обнаружилось еще худшее. Открылись пакости на его счетъ: онъ попался въ злоупотребленіяхъ по обмундировкѣ солдатъ и въ другихъ дѣяніяхъ того же рода.

Король. Онъ могъ испортиться подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, такъ какъ Вашему Величеству извѣстно, что во времена Потемкина кормленіе начальниковъ за счетъ ихъ полковъ вошло въ обычай; увѣряли даже, что это дѣлалось съ согласія самой Государыни.

Павелъ. Я знаю это хорошо, но я не желаю, чтобъ это продолжалось теперь. Другой Полякъ, по имени Гижицкій, просилъ зачислить его въ тотъ же полкъ Годлевскаго, и какъ скоро онъ вступилъ, злоупотребленія Годлевскаго открылись. Я лишилъ его полка, который я отдалъ тому же Гижицкому. Знаете ли вы его?

Король. Мнѣ не помнится, видѣлъ ли я его когда-нибудь; но я освѣдомлюсь; я хорошо знаю его родныхъ.

Павелъ. Изъ котораго онъ повѣта?

Король. Изъ Кіевскаго воеводства.

Павелъ. О, въ этомъ повѣтѣ имѣется много смѣшеннаго товара.

Король. Какъ вездѣ.

Павелъ. О, тамъ болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Знаете ли вы многихъ оттуда?

Король. Безъ сомнѣнія, я знаю многихъ, между прочимъ одного Перекладовскаго, который былъ у насъ бригадиромъ; онъ очень исполнительенъ и храбръ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ одной схваткѣ въ 1792 г. Щенсній-Потоцкій, къ которому его привели, обошелся съ нимъ не прилично, какъ съ холопомъ, чтобъ принудить его къ переходу на его службу. Перекладовскій не уступилъ, пока война продолжалась, не желая быть измѣнникомъ передъ отчизной, но когда все кончилось, онъ напослѣдокъ, за неимѣніемъ какихъ-либо средствъ къ существованію, поступилъ на Русскую службу; съ того времени я не имѣю свѣдѣній о немъ.

Павелъ. Мнѣ ничего неизвѣстно, такъ какъ его имя мнѣ не попадалось въ спискѣ офицеровъ нашихъ войскъ. Но кстати объ офицерахъ, знаете ли вы, что Пшисиковскій производится, однако, въ генераль-маіоры моей службы. Очередь производства дошла и до него.

Король. Можно его поздравить.

Павелъ. А что стало съ Мадалинскимъ*), съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ, столь тонкимъ интриганомъ?

Король. Онъ спокойно живетъ въ маленькомъ помѣстьѣ, находящемся въ Прусскихъ владѣніяхъ. Это хорошій и честный человѣкъ, впрочемъ самый простой, чтобъ не сказать самый глупый и уже положительно совсѣмъ неспособный на хитрости и интриги.

Павелъ. Значить, мнѣ доставили очень не вѣрныя свѣдѣнія на его счетъ. Но что скажете вы мнѣ объ Игнатѣ Потоцкомъ, гдѣ онъ находится, что дѣлаетъ онъ, сидитъ ли онъ смиренно?

Король. Онъ былъ на водахъ. Онъ часто проживаетъ у князя Чарторыйскаго и, насколько мнѣ извѣстно, онъ держится въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ и интригъ.

Павелъ. Какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, я поступилъ съ нимъ такъ, что ему не подобало бы жаловаться на меня.

Король. Я знаю, что онъ очень прославлялъ вашу доброту и что онъ былъ бы человѣкомъ нечувствительнымъ, если бы поступилъ иначе.

Павелъ. Какое ваше мнѣніе о его умѣ и сердцѣ?

Король. У него въ самомъ дѣлѣ много ума и способностей.

Павелъ. Онъ мнѣ ихъ проявилъ, когда я съ нимъ говорилъ; но скажите мнѣ, каковъ онъ по отношенію къ душевнымъ качествамъ?

Король. Онъ остался сиротою очень рано; его воспитала тетка, которая была его опекуней и которая всегда славилась чрезвычайно

---

*) Польскій бригадный генераль, принимавшій участіе въ возстаніи 1794 г.

злюю. Можетъ статья, что это подѣйствовало на его молодые годы, когда онъ показался въ свѣтѣ; но я думаю, что за послѣдніе годы онъ далеко отступилъ отъ своего прежняго образа дѣйствій.

Затѣмъ, въ продолженіе разговора того же 15-го Сентября, Императоръ повѣдалъ королю въ слѣдующихъ выраженіяхъ, что возбудило, въ этотъ день, его негодованіе на маневрахъ.

„Знаете ли вы, что сегодня меня постигло настоящее горе, такъ какъ я получилъ новое доказательство порочности, къ несчастію столь всеобщей. Сегодня утромъ, во время военныхъ маневровъ, я видѣлъ нѣсколько офицеровъ Петербургскаго гарнизона, которые попросили у меня разрѣшенія присутствовать при маневрахъ подъ предлогомъ горячаго желанія усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ. Но вмѣсто того, чтобы прилежно заниматься дѣломъ, эти господа при встрѣчѣ со мною, въ праздности, разгуливали въ отдаленіи отъ войскъ и вовсе не занимались тѣмъ, что они заявили желаніе видѣть. Если они думаютъ угождать мнѣ этимъ, они ошибаются, такъ какъ я приучаюсь ихъ разгадывать. Я вамъ довѣряю все это, потому что вы стоите вдали отъ всякихъ отношеній этого рода и не можете ими интересоваться.

Король. Я не знаю, въ чемъ дѣло; но когда вамъ неизвѣстна впередъ цѣль маневровъ и вы даже не знаете мѣсто, назначенное для нападенія, можетъ случиться самымъ ретивымъ военнымъ блуждать по окрестностямъ, такъ что они окажутся совершенно безучастными тому, что происходитъ. Это бывало даже со мною.

Павелъ. О, не дѣлайте этого сравненія, оно никакъ не подходитъ къ данному случаю. Но, надо признать, что въ этомъ XVIII-мъ вѣкѣ, родъ человѣческій вообще очень испорченъ, люди весьма порочны и большею частью очень фальшивы. Но что вы думаете, какой конецъ будетъ этому столѣтію, не предчувствовали ли вы чего либо по этому поводу или не узнали ли вы чего?

Король. Я не пророкъ, ни богословъ.

Павелъ. Но, не можетъ быть, чтобы вы не имѣли свѣдѣній по такому предмету; прошу васъ, скажите мнѣ, какія бы они ни были.

Король. Ну, да: я, какъ и многіе другіе, дѣйствительно слыхалъ о различныхъ предсказаніяхъ или гаданіяхъ, но не придавалъ имъ вѣры, ни значенія.

Павелъ. Но все таки расскажите мнѣ нѣкоторыя, а я вамъ также повѣдаю потомъ тѣ, которыя мнѣ самому были сдѣланы.

Король. Я гдѣ-то читалъ, что въ 1800 году произойдутъ въ человѣческомъ родѣ большія перемѣны въ отношеніи богослуженія.

Павелъ. Именно, мнѣ тоже самое было сказано, будто бы произойдетъ великое объединеніе.

Король. Въ виду того, что вы желаете говорить со мною по этому вопросу, я вамъ расскажу незначительный случай, который, какъ бы сказать, самъ по себѣ ничтоженъ, но который относится къ предмету нашего разговора: Петербургскій архіепископъ¹⁾ обѣдалъ у меня, три недѣли тому назадъ, вмѣстѣ съ другимъ епископомъ Греческаго происхожденія Евгеніемъ²⁾. Случайно рядомъ съ ними сѣлъ Французскій епископъ, который находится въ Петербургѣ³⁾. Желая выразить имъ что-нибудь подходящее къ случайной ихъ встрѣчѣ, я сказалъ имъ съ улыбкою: „обѣ церкви сближаются“. Въ отвѣтъ Петербургскій архіепископъ поднялъ стаканъ и сказалъ, провозгласивъ тостъ, что онъ пьетъ за соединеніе церквей.

Павель. Скажите мнѣ, знаете ли вы, что про Авиньонское братство, которое во многомъ свѣдуще; съ своей стороны я слыхалъ о немъ около восьми лѣтъ тому назадъ. Оно состоитъ изъ семи человекъ, они живутъ очень набожно; ихъ даже не разъединила смута, происшедшая во Франціи⁴⁾.

Король. Я никогда о нихъ не слыхалъ. Не принадлежать ли они къ отрасли мартинистовъ или къ преемникамъ Нострадамуса?

1) Католическій митрополитъ Сестренцевичъ.

2) Уроженецъ острова Корфу, бывшій Таврическій епископъ при Екатеринѣ II.

3) Жирахъ, епископъ Ренскій.

4) Въ 1778 году Литовскій помѣщикъ, графъ Фаддей Грабянка, основалъ въ Берлинѣ мистическую секту подъ названіемъ: „Новый Израиль“. Главнымъ его побужденіемъ служило не религиозное чувство, а изученіе магіи и алхиміи. Въ 1786 г. Грабянка перенесъ свою дѣятельность на Югъ Франціи, въ городъ Авиньонъ, принадлежавшій тогда папскому престолу. Здѣсь онъ собралъ вокругъ себя нѣсколько лицъ изъ Французовъ, Итальянцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, которые внесли ему и свои деньги; на эти средства онъ построилъ церковь, гдѣ совершалась особаго рода служба—смѣшеніе разныхъ религій и суевѣрныхъ обрядовъ. Самъ Грабянка называлъ себя королемъ, уповая на какии-то предсказанія на полученіе Польскаго престола. Какая-то женщина изъ среды его послѣдователей изрекала пророчества. Все это продолжалось, пока не открылся обманъ; тогда исчезли послѣдователи, изсякли и деньги. Въ началѣ дѣятельности этого братства, въ немъ состояли, между прочимъ, принцъ Фердинандъ Виртембергскій съ женой, а изъ Русскихъ капитанъ генералъ-маіорскаго чина Сергій Ивановичъ Плещеевъ, близкій человекъ Павла Петровича, сопровождавшій его въ его путешествіяхъ по Европѣ. Плещеевъ, вступившій въ братство въ 1788 г., оставался въ немъ только два года: онъ его покинулъ, убѣдившись въ томъ, что цѣль его была безнравственна и не имѣла никакой связи съ масонствомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Надо полагать, что Императоръ Павель зналъ объ Авиньонскомъ братствѣ черезъ Плещеева. Въ 1799 году Авиньонское братство разошлось; Грабянка появился въ Петербургѣ и продолжалъ морочить людей; но и тогда нашлись у него послѣдователи среди Русскихъ: между ними, странно встрѣтити фельдмаршала князя Н. В. Репнина, которому однако не долго пришлось оставаться въ этомъ сообществѣ, такъ какъ онъ умеръ въ 1801 г.

Павель. Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; но мнѣ было именно сказано, что въ 1800 году, послѣ страшныхъ міровыхъ смуть, случится полное замиреніе, и оно прійдетъ съ Сѣвера. Чтò вы думаете о томъ?

Король. Еще разъ, я не пророкъ, ни богословъ; но наконецъ, при мысли о томъ, чтò происходитъ, не трудно также прійти къ заключенію, что эти бѣшеные Французы, свергнувъ у себя и престоль, и алтарь, обративъ свои усилія на то, чтобы рассадить по всему свѣту свои начала политическія и религіозныя, или скорѣе антирелигіозныя, унизивъ почти всѣ державы Европы, за исключеніемъ васъ, могутъ, наконецъ, если они еще далѣе разовьютъ свои замыслы, побудить васъ противопоставить имъ вашу мощь и сдѣлаться даже возстановителемъ истинныхъ религіозныхъ началъ и настоящихъ обязанностей человѣка и гражданина.

Павель. Вы оказываете мнѣ слишкомъ много чести. Кто же я такой, чтобы признать за собой подобныя достоинства?

Король. Одно произвело громадное впечатлѣніе, во всей Европѣ и обратило вниманіе на васъ.

Павель. Что же это такое?

Король. Это надпись, вычеканенная вами на вашихъ червонцахъ: „слава Богу, а не мнѣ“ (Не мнѣ, не мнѣ, а имени твоему).

Павель. Дѣйствительно ли обратили вниманіе на это?

Король. И большое.

Павель. Да, я ту же надпись велѣлъ сдѣлать на моихъ знаменахъ; съ одной стороны изобразить слова видѣнія, которыя Константинъ прочелъ: „этими знаменемъ побѣдишь“. И вы замѣтили, сколько крестовъ я изобразилъ на своихъ знаменахъ.

Король. Да, ваше величество, и вотъ почему образующееся общее мнѣніе о томъ, что вы человѣкъ чести и вѣрующій, согласуется съ вѣроятностями грядущаго, о которыхъ я только что говорилъ съ вами.

Павель. Съ моей соороны, я держусь смирно въ моей простотѣ, ожидая наступленія этихъ великихъ перемѣлъ, которыя, по моему крайнему убѣжденію, близки. Скажите мнѣ еще, чтò вы о нихъ думаете? Нѣтъ ли въ Священномъ Писаніи чего-либо въ подтвержденіе этого вѣрованія?

Король. Въ немъ, дѣйствительно, сказано, что произойдутъ великія войны среди народовъ, которые подвинутся другъ на друга, и междуусобныя брани внутри государствъ, что поколеблятся престолы и погибнутъ первосвященники, что Антихристъ будетъ потворствовать преступленіямъ и неправдамъ, но что подъ конецъ, по Божьему указа-

нію, воспрянуть сильныя міра сего для успѣшной борьбы съ Антихристомъ и что двери ада не преодолеютъ однако церкви Господней.

Павелъ. По исчисленію вѣковъ не соотвѣствовало ли бы это моимъ предчувствіямъ?

Король. Какъ вы хорошо знаете, нашлись многіе, вообразившіе, что открыли извѣстнаго рода предѣлъ, приблизительно соотвѣтствующій великимъ событіямъ нашего міра, около 2000 лѣтъ со времени сотворенія міра, приблизительно столько же со времени потопа до Иисуса Христа и что они полагаютъ еще 2000 лѣтъ со времени Иисуса Христа до конца міра.

Павелъ. И такъ, еще недостаетъ намъ только двухъ столѣтій.

Король. Но если все точно исчислить и припомнить все, что написано, то не слѣдуетъ также забыть о тысячелѣтіи, которое должно быть вѣкомъ царствованія праведныхъ.

Павелъ. И не сказано ли, что въ этомъ тысячелѣтіи молодые грѣшники погибнутъ, а праведные останутся молодыми въ столѣтнемъ возрастѣ?

Король. И вотъ, вы въ такомъ разсвѣтѣ силъ, вы крѣпкаго здоровья и, можетъ быть, вамъ суждено чувствовать себя молодымъ черезъ многіе годы съ настоящаго, такъ какъ на васъ, впрочемъ, смотрятъ какъ на человѣка стремящагося къ добру и обладающаго всѣми средствами для его осуществленія.

Павелъ. Да могу ли я, въ своемъ ничтожествѣ, считать себя въ силахъ исполнять это? Но послѣ сказаннаго тысячелѣтія, что еще случится?

Король. Если память мнѣ не измѣняетъ, то написано, что послѣ тысячелѣтія вновь воцарится на нѣкоторое время Антихристъ, а съ нимъ будетъ царство злыхъ, и что, наконецъ, Иисусъ Христосъ Самъ лично явится для суда надъ человѣческимъ родомъ, и что наступитъ конецъ міра.

Павелъ. Да, но когда это будетъ?

Король. Вспомните и о томъ, что, какъ сказалъ самъ Иисусъ Христосъ въ Евангеліи, никто кромѣ одного Бога Отца не знаетъ, когда это случится.

Павелъ. Это правда, но что вы думаете о св. Іоаннѣ, который долженъ явиться ранѣе Иисуса Христа?

Король. Вы знаете, что Энохъ и Ілія считаются не умершими, но вознесенными Богомъ живыми на небеса и что, какъ предполагаютъ, евангелистъ Іоаннъ былъ также изъятъ изъ среды людей и куда-то скрытъ отъ нихъ живьемъ, для какой-то цѣли, намъ неизвѣстной.

Павель. Слѣдуетъ признать, что мы знаемъ многое, но еще болѣе намъ неизвѣстно, и что эти Авиньонскіе братья, которые многое знаютъ, также многого не знаютъ. Извѣстно ли вамъ, что этотъ Грабянка, про котораго мы бесѣдовали и котораго мы нѣсколько разъ осмѣивали, также принадлежалъ къ Авиньонскому братству?

Король. Я этого не зналъ и конечно не подозрѣвалъ бы, судя по его образу дѣйствій, которыя были мнѣ извѣстны за 30 лѣтъ, такъ какъ я его не видалъ съ того времени; но мы знаемъ, что самые ничтожные люди бываютъ Божьими избранниками.

Павель. Что ни было бы, помните, что я сказалъ вамъ сегодня, а именно, что черезъ три года вы будете свидѣтелемъ великихъ событій, очень удивительныхъ.

Король. Я себѣ замѣчу это; но такъ какъ мнѣ уже 66 лѣтъ отъ роду, кто знаетъ, доживу ли я до 1800 года?

Павель. О, я надѣюсь на то; но скажите, какое впечатлѣніе вы ощущаете въ самомъ себѣ, послѣ всего того, о чемъ мы съ вами говорили?

Король. Понятно, когда затрогиваешь такіе предметы, душа возносится надъ земнымъ міромъ къ Тому, Кто держитъ все въ Своей власти.

Павель. Вы совершенно правы, и такъ должно быть, и эта потребность, ощущаемая всегда въ чемъ-то высшемъ, за предѣлами настоящаго, служить доказательствомъ будущей жизни, которой мы обречены.

Еще послѣ обѣда, Императоръ взялъ короля за руку, повелъ къ противоположному концу зала и сказалъ: „какъ чувствуете вы себя въ настоящую минуту?“

Король. Въ какомъ-то тихомъ меланхолическомъ настроеніи.

Павель. Да, въ такой меланхоліи, это вѣрно; такъ и должно быть послѣ разговора, который мы только что имѣли.

За ужиномъ Императоръ еще сказалъ королю: „не говорится ли о знакѣ, который покажется людямъ во время этихъ великихъ перемѣнъ?“

Король. Да; но сказано также, что у Антихриста будетъ свой и что онъ заставитъ носить такой знакъ, который обманетъ многихъ, но все-таки не всѣхъ и что найдутся такіе, которые сохранять и будутъ всегда держаться истиннаго знака Агнца.

14 Сентября, какъ записано въ дневникѣ, прибылъ въ Гатчину Прусскій генераль-маіоръ герцогъ Голштейнъ-бекъ, котораго Императоръ произвелъ въ генераль-лейтенанты и принялъ съ отличіемъ, какъ принца своей крови. Въ разговорѣ 16 (27) Сентября упоминается

о немъ. Бесѣда Императора съ королемъ началась въ этотъ день съ того, что Павелъ Петровичъ передалъ Станиславу-Августу о принятіи имъ на Русскую службу Деболи, бывшаго Польскимъ министромъ при императорскомъ дворѣ.

Павелъ. Деболи долго былъ здѣсь; я его помню мелкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а затѣмъ онъ постепенно возвысился до мѣста министра второго ранга, всегда слѣдуя прямому пути, что заставляло его уважать, не смотря на его щедушную наружность.

Король. Не смотря на царство любимцевъ, которые чередовались одинъ за другимъ, онъ всегда держался графа Панина и своего долга.

Императоръ. И это обстоятельство дало мнѣ возможность часто видѣться съ нимъ и узнать его съ хорошей стороны. Знаете ли вы этого Пруссака (то былъ принцъ Голштинскій, генераль-лейтенантъ на Прусской службѣ).

Король. Да, ваше величество: я видѣлъ его въ Бѣлостокѣ и въ Гроднѣ.

Павелъ. Что вы думаете о немъ?

Король. Онъ мнѣ кажется здравомыслящимъ и пользуется славою умнаго и добраго человѣка.

Павелъ. Я нарочно буду говорить съ вами по русски, чтобъ онъ не понялъ насъ, во избѣжаніе того, чтобъ онъ случайно не услышалъ нашихъ словъ (хотя мы говорили довольно тихо). Не поговорите ли вы съ нимъ о вашихъ дѣлахъ съ Прусскимъ королемъ, а именно объ этой Прусской гадости съ червонцами?

Король. Если ваше величество думаете, что это будетъ кстати, я обращусь къ нему по этому предмету.

Павелъ. О, нѣтъ, я шучу; но я уже говорилъ съ нимъ о томъ сегодня утромъ.

Король. Въ самомъ дѣлѣ, вы съ нимъ говорили?

Павелъ. Да, это правда.

Король. И что же онъ отвѣчалъ?

Павелъ. Онъ старался увѣрить, что все это не должно было быть приписано Прусскому королю, но однимъ его подчиненнымъ.

Король. Ему такъ и подобало отвѣчать въ качествѣ Пруссакаго дѣятеля.

17 Сентября Императоръ очень ласкалъ принца Гольштинскаго; между прочимъ онъ сказалъ королю: Мнѣ нужно найти способъ удержать этого принца крови здѣсь. Я предложу ему и вамъ, ваше величество, на будущей недѣлѣ поѣхать верхами, чтобъ пообѣдать, за нѣсколько верстъ отсюда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится каменеломня, изъ которой я добываю камень на всѣ постройки, возводимыя мною

здѣсь¹⁾). Послѣ того Императоръ задалъ королю вопросы о 1792 и 1794 г.г., о 14 Апрѣля 1794²⁾ и спрашивалъ о подробностяхъ, касающихся его самого. „Вы въ самомъ дѣлѣ перенесли жестокия страданія и въ различныхъ видахъ“.

Король. Въ особенноти въ отношеніи моей чести, и вотъ чѣмъ объясняется необходимость напечатанія отвѣта Вольскаго.

Павелъ. Я предупреждаю васъ, не дѣлайте этого; вы навлечете на себя еще пропасть бѣдъ и отвѣты болѣе рѣзкіе, и это падеть отчасти еще на меня за то, что я разрѣшилъ напечатаніе.

Король попросилъ позволенія поговорить потомъ на единѣ съ Императоромъ. Императрица сказала тотчасъ: „слѣдуйте доброму совѣту Императора“. Потомъ, въ простѣнкѣ окна, король объяснился съ Павломъ Петровичемъ³⁾).

Павелъ. Плюйте на это, какъ я.

Король. Какое сравненіе!

Павелъ. Дѣло идетъ не о чести, а о нашемъ собственномъ спокойствіи; вы себѣ навлечете нѣчто худшее.

Король. Но это мнѣ приходится судить о своемъ положеніи; вы однако не берете назадъ свое обѣщаніе?

Павелъ. Я говорю вамъ это изъ любви къ вамъ самимъ.

20 Сентября былъ день рожденія Павла Петровича; по принятому обычаю поздравленія при дворѣ приносились вечеромъ наканунѣ торжественнаго дня. Въ Дневникѣ короля записано, что онъ вечеромъ 19 Сентября первымъ поздравилъ Императора со днемъ его рожденія.

Въ этотъ день произошла слѣдующая бесѣда между ними.

Павелъ. Знаете ли вы, что эти Французы всѣхъ обманываютъ?

Король. Мира не будетъ слѣдовательно.

Павелъ. Я очень боюсь такого исхода; чтó вы думаете, какой будетъ конецъ всему этому?

Король. Когда никого не окажется, кто бы могъ сопротивляться имъ, они обратятся къ апостолу Павлу.

Павелъ. Но того, исторію котораго я читалъ, нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Король. А тотъ, кому онъ завѣщалъ свое имя, еще на свѣтѣ.

¹⁾ Изъ Дневника короля видно, что эта поѣздка состоялась 18 Сентября въ линейкахъ.

²⁾ Въ этотъ день гвардія короля покинула его и примкнула къ повстанцамъ.

³⁾ Въ записи не приводится этотъ разговоръ; въ ней отмѣчены слова: *le roi sur l'opinion des regens et de la paternité*; очевидно, въ памфлетахъ оглашалась какая-то тайна о происхожденіи короля (мнѣнія воспріемниковъ о законности рожденія). Слова короля вызвали совѣтъ Императора: „*cachez dessus, comme moi je l'ai fait*“.

Павелъ. Но когда и кто его призоветъ?

Король. Тотъ или тѣ, которымъ Французы нанесутъ всего болѣе вреда.

Послѣ долгаго молчанія Императоръ Павелъ сказалъ: Вы призадумались.

Король. Позвольте мнѣ сказать, что и вы кажетесь въ раздумьи.

Павелъ. Посмотримъ, угадаемъ ли мы свои мысли другъ у друга.

Король. Я признаюсь чистосердечно, что я думалъ о томъ, что вы сказали мнѣ сегодня и въ тотъ день, во время нашего продолжительнаго разговора относительно будущаго.

Павелъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣже мысли занимаютъ и меня; во всякомъ случаѣ я готовъ.

Затѣмъ послѣ обѣда Императоръ мнѣ сказалъ еще: Но кто же, по вашему мнѣнію, болѣе всѣхъ пострадаетъ отъ Французовъ?

Король. Это не трудно предположить.

Павелъ. Это могъ быть его величество король Прусскій.

Король. Онъ такъ обманывалъ; кто знаетъ, не будетъ ли онъ обманутъ.

21 Сентября разговоръ между Императоромъ и королемъ произошелъ во время театральнаго представленія въ Гатчинскомъ дворцѣ. Давали въ этотъ вечеръ двѣ Французскія пьесы: „l'avocat Patelin и Le déguisement inutile“.

Во время спектакля, Императоръ спросилъ у короля, знаетъ ли онъ архіепископа Съраковскаго и что это за личность?

Король. Это очень дурной человѣкъ.

Павелъ. Но мнѣ доносятъ, что онъ хорошо показалъ себя теперь во время чумы въ Сатановѣ.

Король. Во-первыхъ, окажется подъ конецъ, что не было настоящей чумы въ Сатановѣ, а только эпидемія кроваваго поноса, который, впрочемъ, уже теперь прошелъ. Можетъ статься, что Съраковскій удачно чѣмъ-либо проявилъ свою дѣятельность, чтобъ показаться съ выгодной стороны передъ начальникомъ области; но если вы хотите знать, что это за человѣкъ, спросите Сиверса. Во время Тарговицкой конфедерации, его покровители назначали ему миссію въ Римъ. Онъ даже получилъ необходимыя деньги; но онъ все проигралъ въ слѣдующую ночь, вслѣдствіе чего его путешествіе не состоялось. Нѣсколько лѣтъ до того, когда папа былъ въ Вѣнѣ, тотъ же Съраковскій прибылъ туда, чтобы принести присягу передъ нимъ въ томъ, что епископъ Солтыкъ съ ума не сходилъ; между тѣмъ было всѣмъ извѣстно, что онъ былъ сумасшедшимъ, да еще въ очень замѣчательной степени.

Сѣраковскій принесъ эту ложную клятву для пользы той партіи, которая старалась тогда мнѣ сдѣлать огорченіе, обвиняя меня передъ обществомъ, на сеймѣ, въ томъ, что я былъ причиною распоряженія Краковскаго капитула о заточеніи этого епископа по случаю его умственного разстройства. Во время Гродненскаго сейма въ 1793 г. я спросилъ графа Сиверса, какъ онъ могъ требовать отъ меня благодареній для такого мерзавца. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „я знаю хорошо, что онъ мерзавецъ; но вы знаете также, что я Русскій посольскій и что слѣдовательно я вынужденъ просить за такого человѣка, такъ какъ онъ первый изъ всѣхъ Польскихъ священниковъ согласился присягнуть Тарговицкой конфедераціи. Вотъ чѣмъ подводится итогъ его заслугамъ.

Павель. Ахъ, я не зналъ всего этого.

Разговоръ продолжался за ужиномъ.

Павель. Кому принадлежитъ Дубно?

Король. Князю Михаилу Любомирскому, который въ настоящее время пребываетъ еще въ Петербургѣ.

Павель. Я въ немилости у него.

Король. Онъ много теряетъ отъ этого.

Павель. Я лучше желаю, чтобъ онъ не пользовался тѣми выгодами, которыя онъ извлекалъ въ Дубнѣ, нежели позволять негодяямъ ими пользоваться. Знаете ли вы генерала Карра?

Король. О, да.

Павель. Что онъ дѣлалъ въ Польшѣ?

Король. Онъ состоялъ при посольствѣ князя Репнина. Въ 1767 г. ему было поручено убѣдить сеймъ въ Радомѣ къ отправкѣ четырехъ мнимыхъ пословъ, которые прибыли сюда.

Павель. И это дѣйствительно совершилось. Но каково было его поведеніе въ Польшѣ?

Король. Такъ себѣ.

Павель. Предавался ли онъ игрѣ?

Король. Достаточно, но къ тому же онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ.

Павель. О, этого я не зналъ.

Король. Онъ даже считался большимъ ходокомъ въ этомъ родѣ.

Павель. Г-нъ Витвортъ*) пребывалъ при вашемъ дворѣ въ теченіе нѣкотораго времени.

Король. Почти въ теченіе трехъ лѣтъ.

Павель. Въ началѣ вашего царствованія дипломатическій корпусъ былъ хорошо составленъ у васъ.

*) Англійскій посланникъ при Павлѣ I.

Король. Товаръ тамъ былъ смѣшанный.

Павелъ. Посмотримъ, кто именно?

Король. Сперва князь Репнинъ, потомъ Роотонъ¹⁾.

Павелъ. Не умеръ ли онъ?

Король. Да, ваше величество, отъ самоубійства.

Павелъ. Изъ-за чего?

Король. Изъ за того, что онъ призналъ себя неспособнымъ съ женщинами и онъ говорилъ, что въ такомъ случаѣ нечего болѣе жить.

Павелъ. Какой сумасшедшій; но посмотримъ, кто были другіе.

Король. Былъ Дубень со стороны Швеціи.

Павелъ. Это тотъ самый, который находился впослѣдствіи здѣсь; но каковымъ онъ былъ?

Король. Нельзя про него много сказать ни добраго, ни худаго; но онъ обладалъ нѣкоторыми странными талантами, которые вовсе не относились къ предметамъ его инструкцій.

Павелъ. Напримѣръ.

Король. Онъ умѣлъ ржать какъ лошадь, свистать какъ птица, плясать на канатѣ и показывалъ всякія подобныя штуки.

Павелъ. О, какъ именно?

Король. Разъ на гуляньѣ въ Бѣлянахъ, что вблизи Варшавы, почти какъ Екатериненгофъ приходится къ Петербургу, Дубень, прохаживаясь съ дамами, увидалъ приготовленія, сдѣланныя для представленія плясунами на канатѣ, и, проходя мимо ихъ, прыгнулъ на канатъ, не предупредивъ никого, и сталъ плясать на немъ такъ ловко, что предприниматели, принявъ его за своего собрата по ремеслу, предложили ему вступить къ нимъ въ компанію для участія въ барышахъ.

Павелъ. А. В. Бенца²⁾?

Король. О, этотъ забавлялъ общество своею разсѣянностью, вслѣдствіе которой онъ былъ очень смѣшонъ; но его разсѣянность исчезала въ дѣлахъ, въ которыхъ онъ уже слишкомъ усердно послужилъ своему государю.

Павелъ. А изъ Французовъ кто былъ при васъ?

Король. Сперва маркизь Помй, который поссорился изъ-за этикета съ примасомъ во время междуцарствія, каковое обстоятельство было причиною его отъѣзда и того, что Франціей признано мое избраніе лишь годомъ спустя послѣ прочихъ дворовъ. Потомъ маркизь Конфланъ былъ отправленъ для признанія меня королемъ.

¹⁾ Англійскій министръ въ Варшавѣ.

²⁾ Прусскій министръ въ Варшавѣ.

Павель. Мы увидѣли его здѣсь въ послѣдствіи, но что вы думаете про него?

Король. Я считаю его первою причиною многого зла.

Павель. Какимъ образомъ?

Король. Будучи гусарскимъ полковникомъ, онъ считалъ для себя умѣстнымъ много курить и много пить. Этотъ пріучилъ послѣдняго герцога Орлеанскаго и все его общество къ постыдному пьянству; герцогъ Орлеанскій, во время своихъ путешествій по Англіи, привилъ этотъ порокъ принцу Уэльскому и герцогу Йоркскому; хотя эти принцы, какъ говорятъ, отъ него избавились, но онъ слишкомъ широко развился среди Англійской молодежи.

Павель. Но послѣ Конфлана не были ли у васъ при дѣлѣ другіе Французы?

Король. Были нѣкоторые второстепенные агенты, какъ-то Бонно, котораго видѣли здѣсь, Якубовскій, родомъ Полякъ, очень честный человѣкъ и подъ конецъ въ качествѣ министра г-нъ Санъ-Круа, который въ послѣдствіи назвался де-Коршъ, а затѣмъ былъ Французскимъ республиканскимъ министромъ въ Турціи.

Павель. Почему у него было два прозвища?

Король. Пока во Франціи разрѣшалось быть дворяниномъ, онъ назывался г-мъ де-Санъ-Круа; когда же дворянство во Франціи было изгнано, онъ принялъ первоначальное имя своей семьи де-Коршъ и подъ этимъ именемъ онъ распространялъ революціонныя идеи у насъ по всѣмъ слоямъ общества.

Затѣмъ разговоръ случайно перешелъ на балетъ Донъ-Жуанъ и на впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на разныхъ лицъ. Императоръ даже сознался, что вздрогнулъ, когда онъ его увидалъ въ первый разъ въ Венеціи. Послѣ того онъ рассказалъ хорошо слѣдующее: „Я вамъ сообщу объ одномъ случаѣ, признанномъ всѣми. Я находился самъ третій въ одномъ саду; одинъ изъ трехъ хвастался своимъ невѣріемъ и посреди своихъ рѣчей онъ привелъ тираду изъ, не помню, какого автора, подходящую къ мыслямъ, которыя онъ только что развивалъ. Пока онъ декламировалъ, я подумалъ про себя: какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ Богъ наказалъ его какою-либо бѣдою, для примѣрнаго урока, и въ то же мгновеніе мраморный бюстъ, передъ которымъ онъ декламировалъ, сорвался съ своей подставки, хотя никто къ нему не прикоснулся, причѣмъ ни въ самую минуту паденія, ни послѣ того нельзя было опредѣлить ближайшей его причины, однимъ словомъ бюстъ упалъ столь неожиданно, что онъ чуть чуть не повалилъ безбожника, который едва успѣлъ отскочить. Онъ поблѣднѣлъ и смутился.

Король. Но исправился ли онъ?

Павелъ. Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно.

Король. Позвольте спросить, въ какомъ саду это случилось?

Павелъ. Въ саду, гдѣ имѣются деревья; но я вамъ расскажу другой случай. Кавалерійскій офицеръ, который даже командовалъ уже эскадрономъ, развѣзжалъ верхомъ на сѣрой Англійской лошади, которая отличала его отъ другихъ всадниковъ. Онъ былъ безпутенъ и не скрывалъ своего невѣрья. Во время ученія я также подумалъ про себя: „не будетъ ли угодно Богу дать ему хорошій урокъ“, и въ тоже мгновеніе, когда я подумалъ это, я потерялъ офицера изъ виду. Я поскакалъ къ эскадрону спросить, куда онъ дѣлся; мнѣ донесли, что его лошадь свалилась подъ нимъ и что онъ былъ тяжело помятъ.

Король. Ну, а этотъ, не исправился ли онъ?

Павелъ. Нѣтъ.

Послѣ чего Императоръ велѣлъ князю Юсупову приготовить къ поставкѣ комедіи и балета Донъ-Жуанъ.

Король. По приказанію Маріи Терезіи давали эту пьесу въ Вѣнѣ всегда во Вторникъ на Масляницѣ съ цѣлью приготовленія къ посту. Но мнѣ кажется, что балетъ „Донъ-Жуанъ“, когда онъ хорошо исполненъ (производитъ еще болѣе впечатлѣнія, чѣмъ пьеса).

Павелъ. Я раздѣляю ваше мнѣніе, такъ какъ *les faits sont plus rapprochés* (дѣйствія поражаютъ сильнѣе).

IV.

21 Сентября послѣ ужина король откланялся Императору передъ своимъ выѣздомъ изъ Гатчины. Въ записяхъ за этотъ день встрѣчается указаніе на то, что по примѣтамъ придворныхъ Павелъ Петровичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа; они замѣтили, что Императоръ не былъ такъ привѣтливъ къ королю, какъ обыкновенно, почему они обратились къ Станиславу-Августу за разъясненіемъ, не просилъ ли онъ Императора за кого изъ своихъ близкихъ или соотечественниковъ. Но король объяснилъ, что онъ въ своихъ бесѣдахъ ограничивался отвѣтами на то, о чемъ спрашивалъ его Императоръ.

Только 13 Октября Станиславъ-Августъ вернулся въ Гатчину наканунѣ дня рожденія Маріи Ѳеодоровны. Вечеромъ 13 Октября, записываетъ Станиславъ-Августъ, Императоръ мнѣ сдѣлалъ приемъ холоднѣе обыкновеннаго и мнѣ не сказалъ ни слова во время ужина, за церемоніальнымъ обѣдомъ на слѣдующій день онъ былъ также холоденъ. Императрица, замѣтивъ это и очевидно будучи огорчена тѣмъ, сказала мнѣ какъ бы оправдываясь: „на церемоніальномъ обѣдѣ, какъ сегодня, разговоръ обыкновенно не вяжется“. Я ей отвѣтилъ улыбкою

и склоненіемъ головы; она какъ будто поняла меня. Вечеромъ, во время бала, императоръ не сказалъ мнѣ ни слова; за ужиномъ онъ предложилъ мнѣ очень пустой вопросъ. Въ Четвергъ 15 (26) Октября за обѣдомъ онъ поговорилъ со мною немного болѣе; вечеромъ во время спектакля онъ также бесѣдовалъ, а за ужиномъ я замѣтилъ, какъ онъ посылалъ знаки двѣицѣ Нелидовой, которая отвѣчала ему тѣмъ же, хотя сидѣла очень далеко. Потомъ Императоръ какъ будто пришелъ въ себя и сталъ обходиться со мною по прежнему. Еще до пріѣзда моего, въ этотъ разъ въ Гатчину, меня уже предупредили о томъ, что Императоръ два дня какъ очень угрюмъ по отношенію ко всѣмъ и даже раздосадованъ чѣмъ-то, что онъ былъ очень недоволенъ вахтпарадомъ, потомъ мнѣ сказали, произошла ссора между нимъ и Е. И. Нелидовой. Я даже примѣтилъ оттѣнокъ къ охлажденію и принужденности между нимъ и Императрицей.

Нѣкоторые предполагали, что причиной его нерасположенія было открытіе этого заговора въ Дубнѣ (какой бы онъ ни былъ), который долженъ былъ вспыхнуть во время контрактовъ на прощанье и что онъ хотѣлъ мнѣ дать понять это, хотя сказанное меня вовсе не касалось. Нѣкоторые придворные довольно открыто заявили, насколько они не одобрили обхожденіе Императора со мною въ этотъ разъ, послѣ того какъ онъ самъ пригласилъ меня пріѣхать.

16-го Октября король вернулся изъ Гатчина въ С.-Петербургъ. Въ тотъ же день къ нему явился отъ имени канцлера его братъ графъ И. А. Безбородко съ дружескимъ предупрежденіемъ не просить Императора ни за него, такъ какъ 14 Октября за обѣдомъ Павелъ Петровичъ велѣлъ Обрѣзкову явиться къ нему послѣ обѣда и, когда онъ его увидалъ, поручилъ сказать князю А. А. Безбородко о своемъ удивленіи и неудовольствіи, что король его просилъ за князя Михаила Любомирскаго. Станиславъ-Августъ разсказалъ графу Безбородко свой разговоръ съ Императоромъ по этому предмету, объяснивъ, что ни слова не замолвилъ за князя Любомирскаго.

Положеніе Станислава-Августа было очень тягостно при Русскомъ дворѣ: съ одной стороны его досаждали родные и соотечественники, явившіеся за разными милостями, а съ другой несчастный король долженъ былъ опасаться подозрительнаго и измѣнчиваго нрава Императора, который въ это время былъ встревоженъ разными слухами о заговорахъ въ разныхъ областяхъ перешедшихъ къ Россіи по раздѣлу Польши.

Примѣченное еще въ Гатчинѣ придворными съ 14 Октября дурное расположеніе Императора отразилось на королѣ, который въ теченіи цѣлаго мѣсяца не имѣлъ бесѣды съ нимъ, хотя, какъ видно изъ

его дневника, онъ участвовалъ на церемоніяхъ всего Мальтійскаго орденскаго праздника 8 Ноября, въ день Михаила Архангела, но только 15 Ноября отмѣчается королемъ его разговоръ съ Павломъ Петровичемъ во время бала въ Эрмитажѣ, на который Станиславъ-Августъ былъ приглашенъ. Однако, этотъ разговоръ начался съ того, что Императоръ поставилъ на видъ королю новыя сцены въ Литвѣ. По замѣчанію короля это дѣло кончилось арестомъ четырехъ лицъ и оказалось въ высшей степени преувеличеннымъ. Во время разговора, который почти исключительно имѣлъ своимъ предметомъ Польскія дѣла, Павелъ Петровичъ обнаружилъ свойственную ему раздражительность и тяготился музыкою и продолжительностію бала, причемъ изъ замѣченнаго Станиславомъ-Августомъ разговора, который онъ имѣлъ съ графомъ Безбородко на слѣдующій день, не трудно усмотрѣть, что обхожденіе съ королемъ стало другое и что за измѣненіемъ отношеній къ нему со стороны Императора ему при дворѣ не оказывалось уже прежняго вниманія.

Въ дневникѣ короля говорится, что императрица предложила ему во время бала партію въ бостонъ, но, онъ умѣя играть только въ пикетъ, извинился, и она стала играть въ бостонъ съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ, съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ и съ графомъ Заводскимъ. На слѣдующій день король спросилъ графа Безбородко, игралъ ли въ прошлый вечеръ его братъ князь Александръ Андреевичъ въ карты въ залѣ примыкающемъ къ бальному. Генералъ отвѣтилъ, что его братъ дѣйствительно игралъ въ помѣщеніи на лѣво отъ дальняго зала и на вопросъ короля, имѣются ли тамъ стулья, онъ подтвердилъ, что имѣются, а мнѣ, замѣтилъ король, пришлось стоять на ногахъ все время бала, и я признаюсь, что онъ показался мнѣ немного продолжительнымъ. Но ваше величество не пожелали играть, сказалъ Безбородко. Мнѣ, возразилъ король, императрица предложила играть въ бостонъ, во что я не умѣю; но вы видѣли, что я игралъ въ Гатчинѣ въ пикетъ всякій разъ, когда императрица меня приглашала. Такимъ образомъ бѣдному королю пришлось стоять весь вечеръ въ наказаніе за то, что не умѣлъ играть въ бостонъ, и никто ему стула не предложилъ. Рассказывая о своемъ печальномъ положеніи, Станиславъ-Августъ прибавилъ, что въ тотъ же день, 16 Октября, графъ Безбородко сказалъ одному лицу: „мой братъ порицаетъ многое, что позволяютъ себѣ творить здѣсь въ отношеніи короля“.

С. Горяиновъ.

